

С. МАРЕЕВ

Две традиции интерпретации Спинозы в советской философии

Спиноза вошёл в советскую философию, видимо, благодаря Г.В. Плеханову, который считал, что весь «современный материализм... представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм»¹. По свидетельству того же Плеханова, и Ф. Энгельс считал марксизм «родом спинозизма». При этом Плеханов утверждал, что Спиноза был «несомненным материалистом, хотя его и отказываются признать таковым историки философии»².

Но Плеханов не увидел и не смог показать, в чем своеобразие материализма Спинозы. У него материалист Спиноза по существу ничем не отличается от Гольбаха и Дидро, которые в понимании мышления шли, скорее, от Декарта, пытавшегося установить связь между мышлением и физиологией мозга, а не от Спинозы, который пытался установить связь между мышлением и «протяжением». И он устанавливает эту связь только при помощи Бога.

Здесь, согласно гегелевской диалектической логике, должно быть нечто третье, опосредствующее то и другое. Но такого способа разрешения противоречий, в чем и состоит суть диалектики, не знали ни Г. Плеханов, ни его ученик А. Деборин. У Маркса таким опосредствующим звеном является деятельность, практика. И как раз по этому пути пошел Э. Ильенков в своей трактовке субстанциального единства мышления и «протяжения» у Спинозы. Но, не встав на позицию Маркса, трудно увидеть у Спинозы идею деятельности, снимающей противоположности мышления и «протяжения», что показывает по существу весь опыт изучения Спинозы до Ильенкова. Только Ильенков впервые посмотрел на Спинозу глазами Маркса.

Мышление есть атрибут мировой материи, а не «функция» мозга, к чему склоняется Плеханов и затем будет отстаивать советский «диамат». Хотя этот атрибут также проявляет себя и в форме особой телесной организации человека, в том числе и как «функция» его мозга. Именно как атрибут мировой материи мышление не может исчезнуть, как и сама материя.

Материя, писал Маркс, есть субъект всех изменений³. Иначе говоря, материя есть субстанция или причина самой себя. В свое время Ленин отметил, что надо углубить понятие материи до понятия субстанции, чтобы понять причины явлений. Маркс углубил понятие материи до понятия материального общественного бытия, которое, прежде всего, есть материальное общественное производство, в котором человек и производит своё собственное мышление.

Деборин только позже обратит внимание на это. Во вводной статье к первому советскому изданию «Малой логики» Гегеля он осторожно замечает: «Не будет, быть может, преувеличением сказать, что мысли Гегеля о роли орудий, труда, техники и человеческой практики вообще дали известный толчок Марксу в выработке последним своего собственного мировоззрения»⁴. Здесь Деборин делает попытку перейти от материализма Плеханова к материализму Ленина, который сразу же понял, что материалистическое понимание истории у Маркса идет от Гегеля, а не от французского материализма и не от Фейербаха. У последнего материализм полностью расходится с историзмом.

Но Деборин не сумел связать мысли Гегеля о роли орудий, труда, техники и человеческой практики со Спинозовской идеей субстанции. И это следствие того, что, ратуя за диалектический метод и возражая Аксельрод, которая считала адекватным «геометрический метод» Спинозы, он не смог диалектически снять противоположность мышления и протяжения в Спинозовском определении субстанции. Деборин сводит понятие субстанции только к одному из ее атрибутов – к «протяжению».

Деборин как будто бы не отказывается от понятия субстанции. Но по существу, вместо того, чтобы «углублять» понятие материи до понятия субстанции, он наоборот – редуцирует понятие субстанции до понятия материи. Он только говорит о материи как субстанции. Но материя является субстанцией только тогда, когда она является субъектом всех своих изменений. И она не может стать субъектом всех своих изменений, не став мышлением. Но как раз против этого Деборин возражает.

Деборин видит здесь опасность «гегельянства». Он возражает против того, что действительность, согласно Гегелю, переходит к «онтологическому» понятию, хотя у Гегеля различие между «онтологией» и «гносеологией» снято в Логике, которая изображает движение и самой действительности, и познающего мышления. И это как раз и есть развитие идеи субстанции Спинозы. Но если даже понятие – «гносеологическая» категория, это не снимает вопроса о том, как мы переходим от действительности к понятию. И именно полное отделение «гносеологии» от «онтологии», как это показал уже Кант, делает совершенно невозможным переход к понятию, то есть познание действительности.

Отделив «онтологию» от «гносеологии», материю от субъекта, т. е. выхолостив Спинозу, Деборин как раз и заложил основы того «диамата», который до сих пор остается у нас господствующим вариантом «философии». И эти представления до сих пор не позволяют понять основную идею Спинозы о субстанциальном единстве материи и мышления. В советской философии только два человека развивали идею марксизма как Спинозизма – Лев Семёнович Выготский и Эвальд Васильевич Ильенков. И оба до сих пор остаются непонятыми с их «Спинозизмом».

Существуют, таким образом, две традиции в трактовке Спинозы в советской философии. Одна из них традиционная «диаматовская», которая не видит и не принимает главного в Спинозе – идею субстанциального единства мышления и «протяжения», или иначе идеального и материального. В ней постановка проблемы не выходит за пределы картезианского дуализма двух субстанций, за пределы отношения сознания к мозгу. И отсюда критическое отношение к Спинозовскому решению вопроса. Другая традиция представлена именно Выготским и Ильенковым.

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, в 5 тт. М., Политиздат, 1956, т. 2, с. 339.

² Там же, т. 1, с. 487.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 2, с. 143.

⁴ Деборин А. М. Гегель и диалектический материализм (вводная статья) / Гегель. Сочинения, в 14 тт. М.–Л., 1930, т. 1, с. LXVII.